

Пролетела еще одна безумная, полная забот неделя. Заказы один за другим сходили с конвейера, начались первые отгрузки. Ли Шэнъань все же выкроил время, чтобы отвезти отца в больницу на контрольный осмотр. Врач подтвердил: старик быстро идет на поправку, хронические болячки удалось взять под контроль, однако ревматизм требовал более деликатного лечения и ухода. Доктор настоятельно посоветовал отправить отца на родину, на север. Зимы на юге промозглые и сырые, что для больных суставов — сущая погибель. На севере же воздух сухой, и если поддерживать тепло в доме, восстанавливаться старик будет куда быстрее.

Ли Шэнъань колебался. Расставаться с отцом не хотелось, к тому же до Нового года оставалось чуть больше месяца, а он за столько лет ни разу не встречал праздник вместе с ним. Ли планировал на днях перевезти сюда тетю и сестру, чтобы наконец-то собраться всей семьей за новогодним столом, но слова врача разом перечеркнули эти надежды. На душе сделалось скверно. С другой стороны, ближайший месяц на работе обещал быть жарким, времени на заботу о больном отце попросту не останется. Не желая рубить с плеча, Шэнъань решил пока повременить с решением и посмотреть, как пойдут дела.

Тем временем Лу Чжаньбай взял за привычку заявляться в контору чуть ли не каждый день. Он расхаживал повсюду, совал нос в каждый угол и держался так, словно приехал с генеральной инспекцией. Поначалу рабочие косились на него с любопытством, недоумевая, что это за важная птица. Но незваный гость объявил себя другом Шэнъаня, а сам босс лишь молча отмахивался. Глядя на его холеный вид и замашки крупного начальника, сотрудники вскоре махнули рукой и привыкли.

Ли Шэнъань Чжаньбая попросту игнорировал. Относился к нему как к пустому месту и молча занимался своими делами. Лу, впрочем, ничуть не смущался. Более того, через пару дней ему надоело слоняться без дела, и он уселся прямо за сборочный стол, заделавшись бесплатным разнорабочим. Схватывал он все на лету, так что простая, не требующая особых навыков работа далась ему без труда. Очень скоро Лу орудовал инструментом так ловко и уверенно, что у остальных работяг глаза лезли на лоб от изумления.

— Слышь, друг, а ты сам-то откуда будешь? Чем промышляешь? — не выдержал Лю Хао, с ухмылкой наблюдая за его работой.

— Безработный я, — весело отозвался Лу Чжаньбай.

— Охренеть! — так и присел Лю Хао. — Да это же чистое расточительство! Ты ж вылитый босс, за километр видно. Слушай, а та тачка снаружи... Сколько такая стоит? — Парень никак не мог забыть роскошный автомобиль Чжаньбая.

— Без понятия, подарил кто-то, — пожал плечами Лу.

— Да ладно?! — Лю Хао аж присвистнул от зависти. — Почему мне никто такие подарки не

делает? Слышь, колись, у тебя семья, небось, при деньгах? Чем занимаетесь? Легальный бизнес, контрабанда или дурью торгуете?

— Хао-цзы, тебе заняться нечем? — Ли Шэнъань спустился со второго этажа и, заведя эту зубоскалящую парочку, прикрикнул: — Быстро за работу. Хватит прохлаждаться.

— Брат Ань, да я только присел! Эта мутотень вообще не по моей части, ты же знаешь, — тут же заканючил Лю Хао, глуповато улыбаясь.

Лу Чжаньбай заметил, что Шэнъань одет на выход и явно собирается уходить.

— Ты куда это? — быстро спросил он.

Ли прошел мимо, словно оглох, держа курс прямо к выходу.

— Эй! Я вообще-то с тобой разговариваю! — крикнул ему вдогонку Чжаньбай.

Этот назойливый тип злил Шэнъаня до зубовного скрежета. С трудом подавив раздражение, он резко остановился у порога и обернулся:

— Еду за сырьем. Помочь надо.

— Я с тобой! — тут же вызвался Чжаньбай.

— Зачем? — нахмурился Ли. — Без тебя тошно. И так голова кругом. Скучно — проваливай домой.

Бросив это, он стремительно вышел за дверь.

Лю Хао, глядя на вытянувшееся лицо Чжаньбая, заговорщицки потянул его за рукав назад, к столу:

— Слышь, а вы как вообще спелись? Подрались, что ли? Он на тебя волком смотрит, будто ты ему сто баксов торчишь.

— Хм? — Чжаньбай на секунду растерялся, а затем спросил: — Он со всеми такой колючий?

— Ха-ха! — громко расхохотался Лю Хао. — Сразу видно, плохо ты знаешь нашего брата Аня. Он поначалу со мной точно так же собачился. Зато потом... стал относиться лучше некуда!

— И в чем же это выражается? — из чистого любопытства уточнил Чжаньбай.

— О-о, это долгая история, — затянул Лю Хао. — Если в двух словах: брат Ань снаружи кремень, а внутри — чистый мед. Если завоеешь его доверие, он для тебя расшибется в лепешку, родная мать так заботиться не будет. Он вообще из этих... благородных рыцарей, бесстрашный, за слабых горой. Я таких людей в жизни не встречал. Погляди на меня: фабрика его, а пашу здесь я, будто сам себе хозяин.

— Похоже, у вас тут целая драма, — зацепился за его слова Чжаньбай, у которого при упоминании Шэнъяня загорелись глаза. — Ну-ка, выкладывай.

— Реально интересно? — ухмыльнулся Лю Хао.

— Колись давай, — кивнул Чжаньбай.

— Ладно, уговорил, — согласился парень. Он оттащил Лу в тихий угол, подальше от шумящих станков. — Присаживайся и слушай внимательно. Было это...

Лу Чжаньбай уселся поудобнее и подался вперед, превратившись в самого прилежного и внимательного слушателя на свете.

— В общем, когда мне стукнуло восемнадцать, — начал Лю Хао, активно жестикулируя, — кликали меня на районе Уличной Крысой. Хотя сам я считал себя самым молодым, перспективным и дерзким авторитетом на улицах Буцзи. Спросишь, чем промышлял? Да как и все крутые парни — крышевал торговцев, тряс с них копейку. Жизнь тогда казалась сказкой: дела шли в гору, фарт так и пер. Вся местная шпана при встрече уважительно звала меня Братом Быком. Звучит же, а? Круто ведь?

Он уставился на Чжаньбая, ожидая бурного восхищения. Лу изо всех сил сдерживал дикий хохот, лишь согласно и очень серьезно кивая в ответ.

— И тут, в один прекрасный день, все полетело к чертям, — Лю Хао драматически взмахнул руками, изображая испуг. — В мою жизнь ворвался настоящий злой гений. Как сейчас помню: дело было сразу после летнего ливня, небо еще заволакивали свинцовые тучи. Мы с моим тогдашним корешем, братом Чао, решили выйти на дело, пока лавочники сушились. Попался нам один упертый старик-торговец. Вредный — жуть, наотрез отказался платить долю. Ну, мы с Чао решили показать ему, кто на районе хозяин. Босс мне только подмигнул, и я сразу все понял: пора показать класс. Я с ходу засадил по его прилавку «Теневой стопой Фошаня» — доски в щепки! А потом замахнулся для коронного удара «Шаолиньским кулаком укрощения тигра», чтобы окончательно проучить старого хрыча... И тут, прямо в эту самую секунду, мою руку стискивает чья-то железная клешня! Да так сильно, что у меня аж дыхание перехватило.

— Я, понятное дело, рассвирепел. Какая сволочь посмела дергать спящего тигра за усы? Резко разворачиваюсь на одной ноге, перехватываю его руку и пытаюсь провести коронный бросок

мордой в грязь. Но этот черт просто выставляет локоть навстречу — и бам! Мне в грудь прилетает такой удар, что в глазах потемнело. Воздух из легких вон, и я с грохотом растягиваюсь на асфальте. А вокруг, сука, толпа зевак стоит и хлопает! Лежу я в луже и думаю: ну все, приехали, хана авторитету Брата Быка, опозорился на всю оставшуюся жизнь. Но обидчика своего я обязан был запомнить в лицо. Кое-как поднимаю голову... Мать честная! Стоит надо мной парень — лицо как с обложки журнала, фигура — закачаешься, да еще и дерется как бог. Обидно стало до слез! Но против лома нет приема, умный в гору не пойдет, так что пришлось утереться и молчать.

— К счастью, я был не один. Брат Чао, завидев, как меня уделали, озверел. Двинулся на этого пижона и цедит сквозь зубы: «Ты откуда такой смазливый нарисовался, краля? Дерешься недурно. Слышь, погнали со мной, будешь моей заздобой в банде!» Чао у нас парень тертый, за словом в карман не лезет, я от его наглости чуть со смеху не прыснул. Но не успел я порадоваться, как босс завершал точно резаная свинья. Меньше чем за секунду этот тип раскидал его так, что Чао, сверкая пятками, улепетнул в туман, только его и видели. Ну и сука же трусливая, думаю! А обо мне ты подумал, ублюдок? Мне-то что теперь делать?

— А этот парень разворачивается и не спеша идет ко мне. У меня аж душа в пятки ушла, коленки ходуном заходили. Он подошел, пнул меня легонько носком ботинка и говорит: «Сопляк, я за тобой давно наблюдаю. С такими дохлыми кулаками — и в бандиты? Тебя же завтра в первой подворотне прирежут. Завязывай с этим беспределом, найди нормальную работу. Сегодня живи, но если еще раз увижу на этой улице — ноги переломлю». Развернулся и ушел, весь такой из себя крутой, а торговцы ему вслед чуть ли не овации устраивали. Вот же гад, думаю. Попал я конкретно!

— Только потом я узнал, как его зовут. Ли Шэнъянь. И знаешь, с того самого дня моя жизнь покатила по наклонной. Удача отвернулась напрочь: лавочники платить перестали, любое дело оборачивалось лажей, да еще и Чао орал на меня с утра до вечера. А потом его повязали менты и закрыли в каталажку. Тут-то я и остался совсем у разбитого корыта. Жить негде, жрать нечего — слонялся по улицам как тень.

— В один из дней опять натыкаюсь на Ли Шэнъяня. Но тогда я был настолько голодным, что даже сбежать сил не нашлось. Так и застыл на месте, приготовившись слушать нотации. Он оглядел меня и спрашивает: «Где твой босс?» Я говорю: «Повязали». Он нахмурился: «А ты как теперь?» Я промолчал. А что сказать-то? Сам не знал. Думал, сдохну скоро под каким-нибудь забором, зароят в безымянной могиле для бродяг — вот и вся моя недолгая жизнь.

«Ну и хрен с ним, — думал я тогда. — Жизнь все равно сплошная мука, а так хоть отмучаюсь сразу».

— Но брат Ань меня спас. Спросил прямо: «Хочешь человеком стать? Работать хочешь?» Я ответил, мол, кто ж не хочет жить по-людски, помирать дураков нет. Он притащил меня к себе домой, отмыл, одел, кормил досыта. Начал учить грамоте, объяснять, как себя вести приличным людям надо. А потом пристроил на завод, где сам тогда трудился. Я, конечно, парень не подарок, дури в башке хватало, вечно косячил и влипал в истории. Но брат Ань каждый раз решал мои проблемы, заступался, и при этом ни разу на меня руку не поднял, даже не орал особо. Только когда я его совсем из себя выводил, он цедил свою коронную

фразу: «Еще раз поймаю — ноги переломаю!» Правда, угрозу свою так ни разу и не выполнил.

— Брат Ань для нас как ангел-хранитель, которого само небо послало спасать таких отбросов, как я. На нашей фабрике нет ни одного человека, которому он бы не помог. Он святой, понимаешь? Иногда мне кажется, что он вообще не от мира сего. Поэтому я для себя решил: жизнь за него отдам, если надо будет. Что бы ему ни понадобилось — Лю Хао пойдет и в огонь, и в воду, глазом не моргнув. Без Ли Шэнъяня меня бы уже давно черви доедали.

К концу своей исповеди Лю Хао снова завелся, его кулаки сжались, а в глазах блестела фанатичная преданность.

После этого рассказа у Лу Чжаньбай на душе тоже заскребли кошки. Он догадывался, что за плечами Ли Шэнъяня скрывается непростая жизнь, но даже эта короткая история поразила его до глубины души.

— Но почему он взялся помогать тебе? — недоуменно спросил Чжаньбай. — Зачем ему эти проблемы? Жил бы себе спокойно, горя не знал.

— Да все так говорят! — горячо закивал Лю Хао. — Я и сам сначала не вдуплял. А потом пожил вместе, и до меня дошло: он просто физически не может пройти мимо чужой беды. С виду холодный как лед, а сердце у него мягче воска. Увидит калеку — последнюю копейку отдаст, потерявшегося ребенка за руку домой приведет, прохожих разнимет, если дерутся, а если кто топить вздумает — сам в воду прыгнет... Короче, блаженный. Я за всю жизнь таких не встречал. Откуда в одном человеке столько жалости ко всем подряд? Будто он задохнется, если за день хоть кому-то жизнь не облегчит. Тебе, паря, крупно повезло, что ты умудрился втереться к нему в друзья.

— Вот как? — тихо усмехнулся Лу Чжаньбай.

«Только вот обычной дружбы мне мало...»

«Но если я однажды переступлю эту черту, как поступит Ли Шэнъянь? И что тогда делать мне самому?»

<http://bllate.org/book/18227/1753332>